

названіемъ „The school for rakes“ (школа развратниковъ), ¹⁾ она совсѣмъ уже подошла къ оригиналамъ, съ которыхъ рисовалъ Ричардсонъ. Въ Германіи ее пять разъ перевели въ прошломъ столѣтіи, и даже въ началѣ XIX вѣка, вновь переработанная Вульпіусомъ, она все еще правилась и встрѣчала сочувствіе Гёте. Для русской же сцены она сослужила важную службу. Спустя тринадцать лѣтъ послѣ официального учрежденія правильнаго театра, явилась она (18-го мая 1770) нанести рѣшительный ударъ недолгому торжеству Сумароковскаго классицизма. Разгнѣванный диктаторъ прямо приписывалъ починъ мятежа не переводчикамъ Лессинговыхъ произведеній, а именно Николаю Пушкинову, „состоявшему въ военномъ штатѣ Кирилла Григ. Разумовскаго“, осмѣлившемуся не только перевести „Евгенію“ и съ успѣхомъ поставить ее въ Москвѣ, но въ предисловіи расхвалить драму и автора ²⁾.

Какъ ни старался, однако, закупить общественное мнѣніе авторъ „Хорева“, прося разсудить, кто правъ: онъ или какой-то безвѣстный подъячій, оно рѣшительно склонилось на сторону догадливаго подъячаго, который съ гордостью могъ заявлять въ своемъ предисловіи „къ читателю“, что пьеса была дана 4 (!) раза сряду. На русскую среду, уже чуткую къ вопросамъ о значеніи сословности и гнетѣ предразсудковъ, но пробавлявшуюся безобиднымъ философствованіемъ Сумароковскихъ монологовъ, освѣжающимъ образомъ подѣйствовала обличительная картина, такъ легко подходившая къ образу жизни россійскихъ доморожденных Кларендоновъ. Въ сближеніи русской драмы съ дѣйствительностью всегда будетъ цѣниться починъ, сдѣланный переводомъ слабого и теперь забытаго первенца Бомарше.

¹⁾ Передѣлка сдѣлана была м-ссь Грифитсъ. См. *Bibliographie des oeuvres de Beaumarchais*, p. Henri Cordier, 1883, p. 5.

²⁾ „Евгенія“, ком. въ 5 д., сочиненія г. Бомарше. Пер. Н. Пушкинова, 1770; второе изданіе Новикова, 1788, въ типографич. компаніи. Въ предисловіи, называющемъ успѣхъ пьесы столь великимъ, что рукописканія почти не умолкали, переводчикъ искренно радуется ему и скромно приписываетъ удачу не себѣ, а сочинителю и актерамъ. „Первый, по моему мнѣнію, ничего не проронилъ, что дѣлаетъ драму совершенной, а послѣдніе, руководствуемые славнымъ нашимъ актеромъ, г. Дмитревскимъ, въ то время въ Москвѣ бывшимъ, изображая естественно то, что требовалъ сочинитель, сами себя превзошли“ (исполняли пьесу дѣйствительно лучшія силы: Дмитревскій—Кларендонъ, Померанцевъ—Гартлей, Ожогинъ—Робертъ). „Примѣръ сей показываетъ ясно,—разсуждаетъ переводчикъ,—что вкусъ къ зрѣлищамъ, вкусъ столь похвальный и полезный, часъ отъ часу больше у насъ умножается. Дай Боже, чтобы оный совершенно утвердился къ чести и пользѣ общества, къ поправленію нашихъ сердецъ и нравовъ“.